

Одиссеи Александра Сенкевича

Известный российский учёный-востоковед, автор многих научных работ по хиндоязычной литературе, автор биографии Елены Блаватской поэт и беллетрист отметил 70-летие

В Московском Доме кино в рамках Российских программ 33-го Московского международного кинофестиваля (программа документального кино) при большом стечении публики прошёл показ фильма под названием «Вибрации» о творческой деятельности А.Н. Сенкевича (режиссер Олеся Мацко). Фильм этот снимался в России, в Латвии, во Франции и в Индии.

Александр Николаевич Сенкевич, отмеченный в конце февраля 2011 года 70-летним юбилеем – учёный-востоковед, доктор филологических наук, в течение многих лет бывший научным сотрудником Института мировой литературы им. А.М. Горького. Он известен своими научными работами о хиндоязычной литературе, две из которых уже много лет назад вышли в Индии, в Дели, на языке хинди: «Баччан: комментарии к творчеству» (1983) и сборник статей «Современная хиндоязычная литература» (1984). Первая из них получила особенно высокую оценку Индиры Ганди, вызвала много откликов. В 1987 году в издательстве «Молодая гвардия» была опубликована еще одна книга об Индии («Бессмертный лотос»), составителем и основным автором которой был А.Н. Сенкевич.

Как президент Общества культурного и делового сотрудничества с Индией, каковым он является с 1999 года, А. Сенкевич, будучи страстным путешественником, постоянно совершает поездки и, главным образом транстимолайские экспедиции по Индии, маршруты которых чрезвычайно разнообразны. Часто его сопровождают друзья и единомышленники, среди которых Михаил Задорнов, Леонид Юзефович, Святослав Базил и другие известные деятели культуры. Зачастую путешествия превращаются в своего рода «одиссеи», полные всевозможных экзотических впечатлений и приключений.

Нельзя не сказать и о том, что Сенкевич написал три книги об одной из самых загадочных фигур в русской и мировой истории, знаменитой теософке, «загадочной фурии», как часто её называли, Елене Петровне Блаватской, родовитой дворянке немецкого происхождения, доведшейся двоюродной сестрой известному государственному деятелю дореволюционной России – графу С.Ю. Витте. Блаватская прожила жизнь, полную невероятных приключений и опасностей, но также и подвижничества труда – во многом из ряда вон выходящую жизнь, – ибо сама она была человеком не совсем обыкновенным.

Наиболее заметной и, возможно, самой интересной является книга, вышедшая в 2010 году в молодёжной серии «Жизнь замечательных людей» – биография Блаватской, получившая положительные отзывы в отечественной прессе. Она написана одновременно и пером учёного-исследователя, и писателя-беллетриста. Это великолепный, прямо-таки классический образец биографического жанра, принятого в «ЖЗЛ» и имевшего столько блистательных предшественников.

Однако это только лишь одна ипостась многосторонней и ярко талантливой личности Александра Сенкевича – стройного, элегантного человека, в котором угадыва-

ется «красавец-мужчина», каким он был в молодости, да во многом остался и до сих пор. Его голос чем-то напоминает всем хорошо знакомый голос актёра Василия Ливанова. Сенкевич – известный поэт, а также прозаик-беллетрист. Его перу принадлежит роман «Королевская Маша», отрывки из которого печатались в прессе; в настоящее время книга готовится к полному отдельному изданию. Политический, во многом фельетонный и нравоописательный роман мы знаем лишь по фрагментам, опубликованным в альманахе «Seminarium hortus humanitatis» (Рига, вып. 26, 2011), но и по этим отрывкам можно судить о том, что главное здесь – тема власти (впоследствии героиня станет президентом России). С вымышленными персонажами соседствуют реальные исторические фигуры: знаменитый французский актёр Аллен Делон, известный деятель культуры Рено Герра и поэтесса, ученица Н.С. Гумилёва, И.В. Одоёвцева, вернувшаяся на старости лет в перестроенную Россию.

Образ Гумилёва с экзотическим колоритом его поэзии, столь близким и самому автору, увлечённому путешествиями в дальние страны, тоже (пусть и незримо) присутствует в книге. Именно с этим связаны и «кармические мгновения» (если воспользоваться заголовком одного из эссе Сенкевича), ориентальные мотивы, от которых писатель никогда никуда не уходит, имеющие отношение и к Блаватской, и к «харизматическим» супругам Рерихам – Николаю Константиновичу и Елене Ивановне: «индусские джугуру», поиски мифологического камня Чинтамани, которые являются сквозным мотивом «Королевской Маши». Фантазмагорическое начало, также здесь присутствующее, достигает своей кульминации в последней сцене опубликованного фрагмента, когда главный герой неведомой силой оказывается выброшенным из отеля «зловонную яму с плавающими в ней экскрементами». Здесь изображён реальный случай, происшедший с писателем Виктором Ерофеевым, черты которого отчасти проглядывают в главном герое – Гуре Тавиче. А героиня, «королевская Маша», наоборот, переживает неожиданное и фантастическое преображение.

Однако главный «слив» Сенкевича – его поэтическое творчество, связанное, как отмечалось в критике, с традицией «Серебряного века» прежде всего поэтическим языком и поэтической образностью, – причём тем «Серебряным веком», который преимущественно ушёл в эмиграцию. Это во многом определяет колорит поэзии Сенкевича. Кроме того, очевидна связь стихов Сенкевича с Гумилёвым, с его страстью к путешествиям в далёкие экзотические страны, где «изысканный бродит жираф», с жадной «перемени мест» и с такой же, как у Гумилёва, мужественностью и страстностью. Для поэзии Сенкевича характерны напряжённый лиризм, пластичность живописности слова с несколько ироническим и медитативно-философским взглядом на мир, опять же отсылающим к восточным мотивам (цикл «Медитивные импальсы»). Сокровенные, иногда мучительные переживания лирический герой поэзии Сенке-

вича всегда проецирует на «вещный мир», что уже не раз отмечалось в критике, причём такими разными людьми, как убеждённый сединами классик Евгений Рейн, молодой Сергей Шаргунов, Олег Торчинский, покойный Лазарь Шерешевский, Наталья Дардыкина, Кира Сапгир.

Так, Е. Гейн очень тонко и точно заметил в небольшом предисловии «Зазеркалье Александра Сенкевича», что в этой поэзии «самое главное – не сама материя действительности, а её отражение, творческое отражение, но такое живое, что его можно, кажется, схватить рукой, – тёплое, цветное, как бы обрызганное соком существования».

В поэзии Сенкевича отчётливо выделяются три основных мотива: фантастическо-гротесный, лирико-эротический и фельетонно-злободневный. Это, конечно, во многом условное разделение, но тем не менее отражающее сущность и «лица» некоего «выражения» Сенкевича-поэта.

Так, в стихотворении «Фантазмагория» предстаёт своего рода карнавал, который устраивает лесная «живность»:

*В твоём лесу вдруг начался содом:
взбесились блошки, бабочки, жуки,
кто пьёт, смакуя Ballantine's со льдом,
кто хлещет водку из походной фляжки.*

А последние строчки пронзительно-трагичны:

*– А ты смеялся, бедная Лулу,
и танцевала, наперёд не зная,
что замышляет вся братва лесная
тебя подать на сладкое к столу.*

В смерти же духе написано стихотворение «Смерть Одалиски», отличающееся фантазмагорическим колоритом.

Пряный и терпкий эротизм присущ таким произведениям, как «Париж в авгу-

сте», «Евразия», «Метафизика», «Грехопадение», где сильные, страстные любовные переживания соседствуют с изысканно-проникновенным стихотворным описанием «вещного» мира сего.

*Расплавленные нею тела
среди листьев казались эфемерны.
Блаженная жизнь струилась и текла,
изнемогая, уезжая мерно.
.....
Нагретый воздух прелостью пропал.
В нём были тяжесть и угроза леса:
И Эйфелева башня в кружевах
взлетела вверх, преодолев железо.*
(«Париж в августе»)

В стихотворении «Грехопадение», где изображена женщина, играющая в казино, есть такие строчки:

*А я заучено твердил
в каком-то скопческом задоре
Слова, что пишут на заборе.
И сам себя в душе простил.*

Столь же в этом смысле выразительно стихотворение «Осколки повседневности» («В духе жестокого романа»), оканчивающееся строчкой, поражающей своим жестоким «прозаизмом»:

*Каким-то потаённым лазером
Ты, исхитрившись, заползла,
Туда, где не моргнувши глазом,
зарезать стаяну, не со зла,
а ради выверта такого, что
трудно словом передать.
Проньра! Курица! Коровя!
Куда ты лезешь, твою мать!*

Изопрённый и напряжённый эротизм стихов Сенкевича нимало не заслоняет, однако, и зримо, «вещного» элемента его поэзии. Таковы многие стихотворения, вошедшие в последние сборники 2011 года: «Скользкие тени» и «Западание клавиш» (последний, заметим, иллюстрирован художником Оскаром Рабиным, которому посвящено стихотворение «Исповедь»). Они заставляют вспомнить и знакомые интонации Вертинского, а также, как мне представляется, и Михаила Кузмина с его «поджаренными булками», городскими пейзажами, изысканными деталями интерьеров и прочим. Таково, к примеру, стихотворение «Куклы», отличающееся исключительным «вещным» колоритом:

*То были гламурные девы
с причёсками в стиле барокко,
в искусстве своём королевы,
исчадие страстей и порока.
Врачали глазами пустыми
и тут же по-девичьи робко
чихали, как будто простыли,
в платки из индийского хлопика.*

Но всё-таки своего апофеоза эротическая тема в поэзии Сенкевича достигает в одном, пожалуй, из лучших его стихотворений. Это «Евразия»:

*Наследник родового байства,
живу в степях у многих жён,
где дух весёлый разгильдяйства
на всём пространстве утверждён.
Где обжигает жаром блуда
из непроглядных беды и ям.
Сюда придя невесть откуда,
счёт не ведут ночам и дням.
Здесь всё вокруг – моё и Божье.
Здесь насмерть бьют и пьют до дна.
Простор. Кочевье. Бездорожье.
И вечный топот табуна.*

Есть у Сенкевича стихи другой тематики, написанные в совершенно злободневно-фельетонном духе. Таково, например, стихотворение «Вечная забота»:

*Который год в надуманном экстазе
бессмертное российское ворьё
не вытаскивает из непролазной грязи
имперское величие своё.*

Или ещё, в определённом смысле лучшее, выразительное: «Подражание М.Ю. Лермонтову» – одно из программных, можно сказать, произведений:

*Процья, забитая Россия,
страна бандитов и блуждней,
где гонят истину вазшей,
где каждый выскочка – мессия,
и где тошнит от типажей.*

В особую группу выделяются стихи, выражающие отношение автора к великой русской культуре и в целом к судьбе России, в которых звучат патристические интонации. Наиболее характерны в этом смысле стихотворения «Плач по России» (с переборами ритма), «Инвектива», короткое стихотворение «Петербург», «Наваждение», «Они идут – все изменной породы...», в которых крик отчаяния и ужаса от осознания агрессивной деградации, полного падения русского народа:

*Они шагают к пировой победе
и бьют себя с неистовостью в грудь.
Моя страна! Неужто в этом бреду
тебя судьба и твой последний путь?*

Художественная выразительность и изобретённость стихов Сенкевича даёт повод для сравнения их не только с давно ушедшими поэтами «Серебряного века», но и с его современником, одним из крупнейших современных поэтов – Юрием Кублановским, но только без его почвенничества истовой религиозности да, пожалуй, и без его искусственной литературности и даже вымученности. С формальной же стороны такое сопоставление, думается, всё же не будет искусственностью и натяжкой.

А. Сенкевич виртуозно владеет стихотворной техникой, метрической и строфической репертуар его поэзии исключительно разнообразен. Здесь, пожалуй, всё: от почти раббиника, двух- и трёхсложных размеров, ямбических и хорейских, до свободного стиха-верлибра.

Перед нами, таким образом, крупный и сложный поэт, талантливый и интересный прозаик, но всё-таки, прежде всего, поэт, который остро и выпукло выделяется среди огромной толпы современных стихотворцев и, несомненно, переживёт, невзирая на все издержки, своё время. Эти небольшие сборники, по известному слову А.А. Фета – «томов премногих тяжелей».

Александр РУДНЕВ,
член СП России,
кандидат
филологических наук

Не судить, но понять...

Памяти Валерия Шашина (1950 – 2010)

Тем, кто интересуется хотя бы немного современной драматургией, не надо представлять Валерия Шашина – в доперестроенный период его пьесы с неизменным успехом шли в театрах страны и регулярно печатались в журнале «Драматургия». Поклонники творчества автора знают: каждая новая пьеса Шашина ставит самые острые вопросы, будоражащие общество; он пишет так, как будто фиксирует речи присутствующих рядом спорщиков на диктофон, чтобы каждая из сторон имела максимум свободы самовыражения, а читатель не мог догадаться (до поры до времени), на чьей стороне автор. Лучше всего подобный способ художественного отображения действительности определяется как знаменитая «полифония» Бахтина, как раз в годы дебюта драматурга ставшая одним из популярных литературоведческих клише. На дворе стояли поздние восьмидесятые, проводился массированный пересмотр итогов семидесятилетней приватизации политических репутаций и оценок исторических фактов, к примеру, в пьесах М.Шапурова и других. Именно эти произведения были тогда востребованы режиссёрами самых престижных сцен страны, но и для пьес совсем другого плана, таких, как «Поджигатель» Шашина, всё-таки находилось место, – общество крепко задумалось: «Что с нами происходит?»

По прошествии более чем десяти лет маститые режиссёры в сотый или более раз переосмысливают самые беспримиренные пьесы, из которых на первом месте по-прежнему «Чайка» и «Три сестры» (так было и после войны, во времена моего детства, при тотальном дефиците промышленных изделий и любой одежды). Все прячет глаза, избегая пьес «о наболевшем» за недавние годы, чтобы, не дай Бог, не занять какой-ли-

бо позиции и не стать изгоем в одной из политизированных тусовок, ведь именно объективный анализ ситуации вызывает особо враждебное отношение в этих кругах.

Валерий Шапин – автор восьми пьес, в том числе таких как «Поджигатель», «Русский угол», «Президент для России», написанных в 2001–2003 годах, они вывешены на сайте литературного интернет-журнала «Русский переплёт». Попытаюсь сформулировать, чем привлекательно для меня лично творчество этого драматурга.

Он умеет воплощать те смутные идеи, которые «носятся в воздухе», в художественные образы. Читая пьесы Шашина по мере их написания, одну за другой, я вместе с автором решаю для себя важнейшие вопросы, которые ставит перед нами быстро меняющаяся облик действительность. Это свежий срез жизни под прищипанным взглядом – нет, не холодного исследователя, не судьи, а участника процесса, – по сути, это постройка внутри себя некой опоры, настоящий поиск среди временного, переходящего крупными истинными ценностями. Давно известно: труднее всего писать о том, что произошло, сохраняя взвешенность и объективность, а Шапину это удаётся. Пьесы его не многолюдны, место действия чаще всего едино, автор просто задаёт ситуацию, которая затем поворачивается перед читателем так и этак, а главным творческим достижением драматурга, бесспорно, являются диалоги.

Абсолютный слух на подлинность речи персонажа, чётко обозначенного как социальное, национально, географически, так и по возрасту, сравним только со слухом музыканта, – это особый и очень редкий дар. Есть не только прозаики, но и драматурги, имеющие навык писать диалоги, которые не характе-

ризуют персонажей, а лишь комментируют их действия, но это другое. Подлинный дар писать портреты людей через живую речь – главный фирменный знак Шашина-драматурга, чувствуется, что пишущий эти речи «на слух», когда смысл сказанного обязательно проверяется подлинностью звучания... Кроме того, автор умеет нащупывать болевые точки современности – очень важное качество для драматургии, в первую очередь.

Не уходя в абстрактные рассуждения, хочу остановиться подробнее на последней, «свежесписанной» пьесе Валерия Шашина «Кру-гом», под впечатлением от недавно прочитанного. Не обойтись без краткого пересказа сюжета: на заброшенной даче оказываются двое мужчин одного возраста, ближе к пятидесяти – уволенный в запас офицер, прошедший Афганистан и первую чеченскую войну, который отсыживается за городом, выбитый из колеи невестребованностью в проходящей мимо жизни, и разорившейся в пух

предприниматель, который вспомнил через много лет о недостроенной когда-то баньке, потому что вдруг оказался на улице. Из контекста можно понять, что оба они выпали из современной жизни и оказались вне семьи.

Предпринимателя «кинули» друзья, а оставивший работать сторожем на спортивной базе молодых русских экстремистов и явно разделяет их устремления и взгляды. Это он обнаруживает пришельца в поисках недостроенной бани чукача, а банку-то благополучно достроил сам, и ему ни к чему претензии того, кто долго тут не был, потому и начинает довольно агрессивно выпихивать непрошеного гостя в Израиль. Сталкиваются два миропонимания, две философии, если хотите, но на бытовом, житейском уровне – автор сводит бытийные проблемы к чисто бытовым: чья теперь недостроенная баня и где ночевать пришельцу? Но за этим просвечивает иной, глобальный, вопрос – чья же она, Россия? Затянувшийся диалог на эту тему начинает звучать более мирно, хотя каждый остаётся при своих убеждениях – никто никого ни в чём не может переубедить. Однако чувствуется, что обоим надо выговориться, они просто соскучились без разговоров, и бывший офицер на житейской почве проявляет заботливость и щедрость, предлагая своему оппоненту жить с ним вместе в его доме (не в бане!) сколь угодно долго, накрывает стол, и тогда гость чёрт дёргает достать приспавленную бутылку водки. Это нельзя назвать иначе, чем провокацией, потому что бывший офицер несколько раз говорит, что он «в завязке», но предпринимателю важно настоять на своём, сломать волю оппонента, и вот они уже выпивают вместе.

Теперь о самом больном вопросе – национальном. Больным оно является потому, что долгие годы табуировался, и Валерий Шапин пытается развязать туго затянутый узел: если Михаил, отставной майор, – русский, таковым себя считает и ощущает, то Марк, предприниматель, – наполовину еврей, что даёт ему возможность колебаться: когда Михаил отправляет его «на историческую родину», куда уже уехала его семья, Марк вспоминает, что остался, так как считает себя русским, вернее «тутэйшим», как сказали бы белорусы, здешним.

До перестройки вся наша многонациональная общность называлась «советский

народ», и жизнь показывает, что эта общность действительно была, да и сейчас ещё не окончательно раскололась, а мы запоздало оценили исчезающее...

За границей, и в Израиле, и в Америке, уехавших с постсоветского пространства лиц еврейской национальности называют «русскими», да и сами эмигранты так считают, есть вопросы, по которым они никогда не согласятся с коренными жителями тех мест, куда уехали, например: «Кто победил во Второй мировой войне? В том мире утверждён, без вариантов, что Америка. Мне пишет об этом подруга, Галина Ляндрес, уехавшая в Израиль из Беларуси; её отец и три его брата погибли на фронте, а бабушка с дочерью, невестками и внуками – в Минском гетто. Каково ей слышать, что Россия и Белоруссия мало вложили в победу, ведь у каждого из уехавших кто-нибудь из родственников погиб на фронте или в тылу и многие из них – подлинные герои...

Внутри одного народа, как и в одной семье, неизбежны существенные разногласия по важным вопросам жизни и полный набор мнений. Важно другое – понять друг друга, пойти на уступки и договориться. Героям пьесы Шашина несколько раз почти удаётся приблизиться к взаимопониманию. Почти. Но вышедший «из завязки» уже не может остановиться и не выпить всё имеющееся в запасе спиртное, а его оппонент, выпустивший из бутылки джина алкоголизма, не может удержаться своего презрения по мере обретения пьяющим скотского вида. Марк откровенно над Михаилом издевается, сводя счёт за причинённые обиды, а также за всю свою не слишком удачную жизнь. И за это расплачивается жизнью. Вспомним слова поэта:

*Конечно время игры,
Дважды цветом не цвести.
Тень от гигантской горы
Пала на нашем пути.*

Драматург, остро чувствующий время, впервые оканчивает пьесу не открытым финалом, а бесповоротно – убийством.

Как верно заметил кинорежиссёр Эмир Кустурица, дело искусства не судить, но писать.